

A movie poster featuring a young woman with long blonde hair, wearing a white t-shirt and blue jeans, looking distressed with a furrowed brow. She is standing in a city street at night, flanked by two dark, out-of-focus figures in the foreground. The background shows blurred city lights and buildings.

Алина Жарковская

Ангел

Алина Жарковская

Ангел

<https://litres.ru/74655859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Мелисса блондинка переезжает с семьёй в новый город и пытается начать всё с чистого листа: университет, новые друзья, первая симпатия, маленькие радости и большие страхи. Но привыкнуть к новой жизни мешает ощущение недосказанности: отец слишком часто проверяет замки, у дома появляется чёрная машина, ночные звонки обрываются, а родители избегают прямых ответов. Мелисса всё сильнее чувствует, что переезд был не просто сменой обстановки, а попыткой скрыться от чего-то из прошлого. Постепенно семейная тайна выходит на поверхность, и ей приходится повзрослеть быстрее, чем она ожидала. Это атмосферная история о доверии, первой любви, дружбе и о том, как хрупок привычный мир, если в нём есть место недосказанности.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новый дом	7
Глава 2. Первый день	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алина Жарковская

Ангел

Пролог

Дождь за окном превращал мир в мутную акварель. Деревья, дорожные знаки, случайные прохожие — всё плыло и размывалось, как картинка из старой книжки, которую кто-то слишком долго держал над паром. Я прижалась лбом к холодному стеклу и вздохнула. Стекло было ледяным, и от него пахло пылью и чужим городом.

Переезд.

Ещё неделю назад это слово звучало как приговор. Сегодня — почти как начало приключения. Почти.

Я знала, что буду скучать по старому городу. По двору, где мы с девочками рисовали мелом на асфальте солнечные часы и спорили, который час. По университету, где преподаватели уже привыкли к моим вечным «а можно ещё один вопрос?» и заранее вздыхали, когда я поднимала руку. По своей комнате с обоями в мелкий цветочек и полкой, на которой лежали мои альбомы — толстые, потрёпанные, с загнутыми уголками. По запаху пирогов из соседней квартиры. По всему, что осталось позади так внезапно, что я даже не успела как следует попрощаться.

Мама сказала: «Новая жизнь — это не страшно, солнышко. Это просто новая глава». Папа добавил: «А главы, как известно, бывают интереснее предыдущих». Алекс, мой брат, заявил, что в новом городе точно найдётся место, где делают нормальную шаурму, а это, по его мнению, главный показатель цивилизации. Мама сказала, что шаурма — не показатель, а Алекс сказал, что мама просто никогда не пробовала правильную шаурму.

Я улыбнулась своему отражению в мокром стекле. Ну что ж. Посмотрим, что за глава нас ждёт.

За спиной мама складывала в коробку чашки, заворачивая каждую в газету так бережно, будто это были не чашки, а маленькие хрупкие планеты. Папа проверял документы — он делал это уже в третий раз за утро, и я не понимала, что он надеется там найти. Алекс таскал вещи так, будто решил заодно сдать нормативы по физподготовке: он хватал по две коробки сразу и шёл через двор с таким видом, будто это не тяжести, а почётный караул.

В машине пахло дождём, кофе и немного — старыми газетами. Я смотрела, как за окном проплывают чужие улицы, и старалась не думать о том, что мы уехали слишком быстро. Слишком быстро. Слишком тихо. Слишком без объяснений.

Я спрашивала маму, почему так срочно. Она сказала: «Так сложились обстоятельства, родная». Я спрашивала папу, почему ночью. Он сказал: «Так было нужно». Я спрашивала

Алекса, почему мы не взяли мои картины. Он сказал: «Купим новые, какие проблемы?» И все они говорили это разными голосами, но с одинаковым выражением лица — будто заранее договорились.

Но я гнала эту мысль прочь. В конце концов, взрослые всегда что-то решают. У них есть планы, причины, работа. Просто я ещё не всё понимаю. Мне семнадцать, я учусь на втором курсе, я рисую снежинки на полях и верю, что люди говорят правду, когда улыбаются.

Дождь стучал по стеклу, как будто пытался что-то сказать. Я закрыла глаза и представила, что это не дождь, а аплодисменты. Новому городу. Новому дому. Новому университету. Мне.

— Мелисса, — позвала мама, — не сиди как мышка. Посмотри, какие здесь красивые улицы.

Я открыла глаза. Улицы действительно были красивыми. Незнакомыми, но красивыми. Кирпичные дома с лепниной, витрины, гирлянды, которые уже начали вешать к праздникам. И где-то в глубине души, под слоем грусти и страха, шевельнулось любопытство.

Любопытство — это ведь не порок. Так мне потом скажет один человек. Порок — это когда тебе всё равно.

Глава 1. Новый дом

Виктор стоял у входной двери и сосредоточенно проверял замок. Потом ещё раз. Потом посмотрел на ключи так, будто ждал, что они сами расскажут ему сказку.

— Дорогой, — выглянула из кухни Елена, — ты с замком разговариваешь или всё-таки заходишь?

— Я проверяю, — солидно ответил он. — Новый дом. Вдруг замок с характером.

— У тебя тоже характер, — засмеялась мама. — Иди лучше помоги с коробками.

В коридоре громоздились картонные коробки, подписанные маминым аккуратным почерком: «Кухня», «Книги», «Посуда», «Всякое нужное». Отдельно стояла коробка с надписью «Мелиссины сокровища». Я тут же присела рядом и заглянула внутрь: альбомы, краски, старый заяц, которого мне подарили ещё в начальной школе, коробка с цветными карандашами, несколько открыток, засушенный цветок между страницами книги и маленькая фигурка ангела, которую бабушка подарила мне перед переездом.

— Будешь хранить меня? — прошептала я фигурке.

Ангел, конечно, не ответил. Но мне показалось, что в его фарфоровой улыбке мелькнуло что-то ободряющее.

Я прижала зайца к груди и почувствовала себя почти дома. Заяц был старый, с потёртым ухом и одним глазом, ко-

торый когда-то отклеился и был приклеен обратно маминым лаком для ногтей. Но он был мой. Я знала его на ощупь, знала, где у него мягкая заплатка, знала, как пахнет его ткань. В новом доме, где всё было чужим, заяц был островком знакомого.

— Вот и я, мам, пап! — Алекс втащил в прихожую две огромные коробки, будто они были набиты воздушными шариками. — Куда это? В мою комнату? В гостиную? На балкон? Могу на люстру.

— В гостиную, сынок, — ответил папа. — Люстру пока не трогаем.

— Жаль, — вздохнул Алекс. — У меня были планы.

Он поставил коробки, вытер лоб и огляделся.

— Ну что, — сказал он, — дом как дом. Пахнет краской и чужими надеждами.

— Алекс, — укоризненно сказала мама.

— Что? Я образно.

Мама уже расставляла на новой кухне фарфоровые чашки. Она делала это так торжественно, будто каждая чашка была маленькой победой над чужим пространством. На столе появилась ваза с печеньем, салфетки, чайник. Всё это выглядело так, будто мы не только что приехали, а уже давно живём здесь и просто вернулись с прогулки.

— Чайник почти закипел, — объявила она. — Кто хочет чай с дороги?

— Все! — хором ответили мы.

Я вытащила из коробки альбом и провела пальцем по обложке. В старой квартире остались мои большие холсты. Мы уехали быстро, и я не успела их забрать. От этой мысли стало немного грустно. Я представила, как они стоят там, прислонённые к стене, и никто на них не смотрит. Глупо, конечно, но мне казалось, что картины тоже умеют скучать. На одном холсте была нарисована наша старая улица — я работала над ней всё лето, выписывала каждый балкон, каждое окно, каждого кота на подоконнике. Теперь этот холст стоял где-то в пустой квартире, и никто не знал, что с ним будет.

— Пап, — тихо сказала я, — а почему мы не забрали мои картины?

Виктор обернулся. В его взгляде не было ничего страшного — только обычная отцовская задумчивость. Но на секунду мне показалось, что он не хочет отвечать. Он посмотрел на меня, потом на коробку с моими сокровищами, потом снова на меня.

— Там было тесно, котёнок. Но знаешь что? Здесь у тебя будет своя мастерская. Ну, или уголок у окна. Мы купим новые холсты. И краски. И ещё этот... как его... мольберт.

— Правда? — я просияла.

— Правда, — папа улыбнулся. — Новая жизнь начинается с новых красок. Логично?

— Логично! — я подпрыгнула и чмокнула его в щёку.

Алекс фыркнул:

— А мне мольберт? Я тоже хочу быть художником.

— Ты у нас художник по части яблок, — заметила мама, ставя на стол вазу с печеньем. — Тебе хватит.

— Я, между прочим, могу нарисовать яблоко так, что ты его съешь, — обиделся Алекс.

— Это называется «фотография», — сказал папа.

— Это называется «талант», — парировал брат.

— Это называется «пора помочь маме с посудой», — сказала мама, и Алекс сдался.

Мы расселись за ещё не до конца распакованным столом. Пар поднимался от чашек, мама разливала чай, Алекс рассказывал, как грузчик сказал ему: «Молодой человек, вы уверены, что вам не нужен кран?». Папа смеялся, мама качала головой, а я грела ладони о чашку и думала: может, всё не так уж плохо.

— А помните, — сказал вдруг Алекс, — как мы в прошлом году ёлку наряжали? И кот свалил её в три часа ночи?

— Как такое забыть, — вздохнула мама. — Я потом неделю находила мишуру в самых неожиданных местах.

— Это была месть, — серьёзно сказал Алекс. — Вы надели на него шапку Санты. Он этого не Forgave.

— «Не forgave»? — переспросила я.

— Не простил, — поправился брат. — Я учу английский. По сериалам.

— По сериалам ты учишь только ругательства, — заметила мама.

— Это тоже язык.

Мы смеялись, и в этом смехе было что-то очень нужное. Что-то, что делало новый дом не таким чужим.

За окном сгущались сумерки. В новом дворе зажглись фонари. Кто-то выгуливал собаку, дети лепили снеговика, у соседнего подъезда стояла чёрная машина с тонированными стёклами. Я скользнула по ней взглядом и тут же забыла. Мало ли машин на свете.

Папа тоже посмотрел в окно. Всего на секунду. Потом отвернулся и сказал:

— Всё будет хорошо.

На этот раз это прозвучало как обещание.

Ночью я не могла уснуть. Новая комната пахла краской и картоном, и каждый скрип был незнакомым. Я лежала в темноте, прижимая к груди зайца, и слушала, как внизу папа ходит по коридору. Он ходил долго, размеренно, от двери к окну и обратно. Я знала этот звук — так он ходил, когда о чём-то думал. В старом доме он тоже так ходил, но тогда это было реже.

Потом шаги стихли. Я услышала, как щёлкнул замок. Потом второй. Потом третий.

Я зажмурилась и сказала себе, что это просто новый дом. Новые замки. Новые привычки. Всё будет хорошо.

Глава 2. Первый день

Зеркало в моей новой спальне отражало девушку в строгой университетской форме. Форма сидела идеально, волосы я уложила аккуратно, но всё равно нервничала так, что бабочки в животе устроили хоровод. Я поправила воротник, потом ещё раз, потом посмотрела на себя с разных сторон.

— Ну, — сказала я отражению, — ты выглядишь как человек, который знает, что делает.

Отражение не согласилось.

— Ладно, — вздохнула я. — Ты выглядишь как человек, который очень старается делать вид, что знает, что делает.

Это было ближе к правде.

— Моя маленькая принцесса... — мама вошла в комнату и поправила воротник моей блузки. — Такая красивая. Будь послушной, веди себя хорошо и не забывай улыбаться. Поняла?

— Да, мам, — тихо ответила я.

— И не бойся ошибаться, — добавила она, целуя меня в лоб. — Ошибаются все. Даже отличники.

— Даже ты?

— Особенно я, — серьёзно сказала мама. — Однажды я пришла на экзамен не в ту аудиторию и полтора часа рассказывала про экономику преподавателю литературы.

Я рассмеялась.

— И что он сказал?

— Он сказал, что я очень убедительно рассказываю про экономику, и поставил мне четвёрку. По литературе. За экономику.

— Это нечестно.

— Это жизнь, — мама улыбнулась. — Иногда люди оценивают не то, что ты делаешь, а то, как ты это делаешь. Поэтому делай всё с удовольствием. Даже если ошиблась аудиторией.

Она поправила мне волосы и отступила на шаг, чтобы посмотреть на меня.

— Всё. Иди. И помни: ты справишься.

Я вышла в холл. Наверху скрипнула дверь — Алекс проснулся. С кухни пахло кофе, который папа приготовил перед уходом. На столе лежала записка: «Мелисса, удачи. Ты умница. Папа». Рядом стояла чашка с недопитым кофе и лежала газета — папа всегда читал её по утрам, даже если новости были скучными.

Я взяла ключи, заперла дверь и вышла на крыльцо. Утро было свежим, небо — ясным, а улица — шумной и совершенно незнакомой.

Я шла пешком, сверяясь с картой в телефоне. Блэквудский университет вырос передо мной внезапно: массивные ворота, кирпичные фасады, студенты с рюкзаками и кофе. Я остановилась, сделала глубокий вдох и поправила шарф.

— Ну что, Мелисса, — прошептала я себе, — не робей.

Внутри было тепло и гулко. Студенты неслись по коридорам, смеялись, обсуждали пары. Кто-то пытался открыть шкафчик, кто-то спорил о расписании, кто-то ел бутерброд прямо на ходу. Я нашла деканат, робко постучала и получила конверт с расписанием.

— Аудитория 314, третий этаж, — сказала женщина за столом. — Лекция по социологии уже началась. Профессор Линд не строгий. Обычно.

— Обычно? — переспросила я.

— Обычно, — подтвердила она и улыбнулась. — Но вы не волнуйтесь. Он кусается только по средам.

Я кивнула, не понимая, шутит она или нет, и отправилась искать лестницу. Коридоры вились, как лабиринт, но указатели помогли. На третьем этаже пахло старым деревом, мелом и кофе. Дверь в аудиторию была приоткрыта. Я заглянула.

У доски стоял высокий мужчина в потёртом пиджаке и что-то рисовал. Студенты сидели, кто-то делал заметки, кто-то зевал.

— А, не задерживайтесь, — сказал профессор, заметив меня. — Проходите. Присаживайтесь.

Я выбрала место у окна, достала тетрадку и попыталась вникнуть в лекцию. Профессор говорил о том, как общество влияет на человека и как человек влияет на общество. Я честно записывала, но моя рука сама по себе начала выводить на полях маленькую снежинку. Кривую, но живую.

Вдруг я почувствовала чей-то взгляд. Я обернулась. На последнем ряду, у прохода, сидел парень. Тёмные волосы, спокойные глаза, лёгкая усмешка. Он не пялился, не хмурился. Просто смотрел — и в этом взгляде было что-то любознательное.

Я поспешно отвернулась и уткнулась в тетрадь. Щёки почему-то стали горячими.

— Вы согласны, Моретти? — спросил профессор.

Парень кивнул.

— Согласен. Но только если критика не превращается в новую форму подчинения.

Профессор усмехнулся и вернулся к доске. Лекция закончилась. Студенты зашевелились, собирая вещи. Я медлила, будто боялась, что меня затянет в общий поток.

И тогда он подошёл.

— Ты новенькая, да? — спросил он.

— Да, — я подняла глаза. — Мелисса.

— Моретти, — он кивнул. — У тебя снежинка на полях.

Я покраснела.

— Ой. Я не специально. Просто рука сама.

— Хорошая снежинка, — он улыбнулся. — Правда, у неё семь лучиков. А у снежинок обычно шесть.

— Это авторская снежинка, — серьёзно сказала я. — У неё особое происхождение.

Моретти тихо рассмеялся.

— Ладно. Авторская так авторская. Если хочешь, я пока-

жу, где здесь варят нормальный кофе. Только кофе. Без под-
вохов.

Я растерялась. Наверное, у меня было очень смешное ли-
цо, потому что он добавил:

— Это не свидание. Это карта местности. Новеньким нуж-
на карта.

— Тогда ладно, — я улыбнулась. — Карта — это полезно.

Он кивнул и вышел. Я смотрела ему вслед и чувствовала,
что первый день в новом университете получился не таким
уж страшным.

В коридоре я столкнулась с девушкой с короткими тём-
ными волосами и яркой заколкой в форме звезды. Она по-
смотрела на меня, потом на дверь аудитории, потом снова на
меня.

— Ты новенькая? — спросила она.

— Да. Мелисса.

— Клара, — она протянула руку. — Пойдём, я покажу, где
здесь приличный кофе. И где неприличный тоже. На всякий
случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.